

Се Цяо открыл набитый доверху мешочек, достал одну конфету и положил её в рот. На языке мгновенно растаял насыщенный аромат молока. С конфетой во рту он улыбнулся с покорным выражением:

— Спасибо, сестричка Чжао, конфеты очень вкусные.

Услышав это, Чжао Тинтун заулыбалась ещё шире, а Се Чжэн, стоявший рядом, тоже засмеялся. Се Цяо лишь крепко держался за пальцы Лу Цзюэ, в душе тяжело вздыхая.

...

В карете по пути домой.

Конфета во рту Се Цяо ещё не растаяла, а Чжао Тинтун, услышав, что ему понравилось, перед отъездом набила его карманы сладостями. Се Чжэн, увидев пухлые щёки младшего брата, погладил его по голове и спросил:

— Как тебе девушка Чжао?

Се Цяо взглянул на старшего брата и ответил:

— Сестричка Чжао очень хорошая.

— А если я женюсь на ней, и она станет твоей невесткой, ты будешь согласен?

— Я... — Се Цяо замялся, украдкой взглянул на Лу Цзюэ и всё же сказал:

— Конечно, согласен.

Ответив, он посмотрел на Се Чжэна, который был полон радости после встречи с возлюбленной, и не смог сдержать досады:

— Брат, я знаю, что ты рад после встречи с сестричкой Чжао, но... разве ты не можешь сдерживать свои эмоции?

Се Чжэн удивлённо поднял брови:

— Я рад, когда вижу Тинтун, зачем мне сдерживаться?

Се Цяо, раздражённый, воскликнул:

— Ты радуешься, видя свою возлюбленную, а разве кто-то другой не может грустить, видя, как его возлюбленный идёт к своей возлюбленной?

Се Чжэн фыркнул, потянул младшего брата к себе и сказал:

— Что это за чушь ты несёшь?

Лу Цзюэ, услышав слова Се Цяо, тоже рассмеялся, но тут же слегка закашлялся, видимо, действительно простудился. Се Цяо, увидев это, ещё больше забеспокоился, считая, что его старший брат — самый бессердечный человек на свете.

Карета продолжала катиться, а Се Чжэн и Лу Цзюэ лишь посмеялись над детскими словами Се Цяо, не придав им особого значения.

Хотя Лу Цзюэ обычно был здоров, из-за недавней чрезмерной занятости он, вернувшись домой, всё же слёг.

В его дворе сновали служанки и врачи, господин Лу и госпожа Лу тоже пришли проведать сына. Услышав от врача, что это всего лишь простуда и ничего серьёзного, они успокоились и ушли.

Когда все разошлись, Се Цяо сел у кровати Лу Цзюэ, протянул руку и коснулся его лица — оно было горячим. На белоснежном лице появился румянец, из-за которого Лу Цзюэ выглядел немного уязвимым.

И в прошлой жизни, и в этой, в памяти Се Цяо Лу Цзюэ большую часть времени был сильным. Он всегда появлялся перед ним как защитник, словно был всемогущим, создавая для него безопасное пространство. Моменты, когда он был уязвимым, можно было пересчитать по пальцам.

Самый уязвимый момент был, конечно, когда он лежал в гробу. Се Цяо, вспоминая тот момент, когда он увидел тело Лу Цзюэ в гробу, чувствовал, что задыхается. Его рука дрогнула, и он схватил руку Лу Цзюэ, словно пытаясь что-то доказать.

Почувствовав, что его руку кто-то сжимает, Лу Цзюэ невольно улыбнулся. Он открыл глаза и увидел, как Се Цяо, маленький и хрупкий, сидит у его кровати, держа его руку и с красными глазами. Его сердце растаяло, и он протянул другую руку, чтобы коснуться покрасневшего уголка глаза Се Цяо. Его обычно звонкий голос из-за простуды стал тише:

— Это всего лишь простуда, завтра я поправлюсь. Почему ты так расстроен?

— Я в порядке, а вот ты болен. — Се Цяо надулся. С того дня, как он с братом увиделись с девушкой Чжао, Лу Цзюэ вернулся и заболел. Он всегда был здоров, значит, это из-за сильного удара, что он так внезапно слёг.

Лу Цзюэ рассмеялся:

— Я же сказал, что завтра поправлюсь. Уже поздно, иди спать. Я болен, не хочу, чтобы ты

заразился.

С этими словами он приподнялся и посмотрел на служанку у двери:

— Отведи юного господина в его комнату.

Служанка, получив приказ, подошла, но Се Цяо, нахмурившись, крепче сжал руку Лу Цзюэ:

— Нет, я останусь с тобой!

Служанка смущённо посмотрела на Лу Цзюэ, который тихо рассмеялся и сказал:

— Ты можешь идти, здесь тебя не нужно.

Служанка, получив приказ, вышла и закрыла за собой дверь.

Лу Цзюэ, опершись на изголовье кровати, с улыбкой смотрел на ребёнка, сидящего у его кровати и всё ещё держащего его руку. Он пошевелил рукой, которую держал Се Цяо, и поднял бровь:

— Ты собираешься сидеть у моей кровати всю ночь?

Се Цяо решительно кивнул.

Лу Цзюэ фыркнул. Се Цяо уже умылся и переоделся в нижнюю рубаху, босиком стоя у кровати. Лу Цзюэ протянул другую руку, схватил его за воротник и усадил на кровать рядом с собой. Се Цяо утонул в мягких простынях, пропитанных ароматом лекарств. Он широко раскрыл глаза, увидев, как Лу Цзюэ наклонился к нему, его белые пальцы коснулись его носа:

— Сейчас ещё холодно, если ты будешь сидеть у кровати всю ночь, завтра заболеешь ты. Раз уж ты не хочешь уходить, спи сегодня со мной.

Лу Цзюэ уложил Се Цяо, затем повернулся и задул свечу. Комната погрузилась в темноту. Се Цяо лежал рядом с Лу Цзюэ, в комнате было тихо, и он мог слышать его дыхание и сердцебиение. Лу Цзюэ был таким живым, и это было прекрасно, подумал Се Цяо.

— Цяо, сегодня в карете я заметил, что ты чем-то обеспокоен. Ты боишься, что император, женившись, перестанет заботиться о тебе? — в тихой и уютной темноте спросил Лу Цзюэ.

Губы Се Цяо сжались в тонкую линию — даже в такой момент Лу Цзюэ, не обращая внимания на свои душевные раны, пытался объяснить ему за брата.

— Нет, — сказал он. — Я так не думаю.

— Тогда хорошо. — Голос Лу Цзюэ, слегка хриплый из-за болезни, всё ещё звучал с улыбкой. — Император искренне любит тебя, и это не изменится, даже если он женится. Просто будет ещё один человек, который будет заботиться о тебе. Цяо, не переживай.

Помолчав несколько секунд, Се Цяо сжал пальцы Лу Цзюэ:

— Я понял. Брат Хуайюй, не волнуйся.

— Тогда спи, Цяо.

Голос Лу Цзюэ словно обладал магией, и Се Цяо, несмотря на все свои переживания, погрузился в глубокий и спокойный сон.

...

Вскоре наступил конец года. За этот год Се Цяо вытянулся и уже совсем не был таким худым и жалким, как в девять лет, но Лу Цзюэ относился к нему по-прежнему.

Се Цяо всегда думал, что, как и в прошлой жизни, его брат женится только через год. Однако, поскольку Ли Минбэй не погиб, его брат быстрее навёл порядок в императорском дворце, и церемония коронации императрицы в этой жизни произошла на год раньше.

Завтра будет Новый год, и его брат приведёт девушку Чжао во дворец.

Император женится, и выбрал для этого Новый год — это будет праздник для всей страны. Девушка Чжао — избранная императором императрица, и в тот день она получит внимание и благословение всех жителей Великой Шэн.

— Ты опять замечтался? — Лу Цзюэ, его белые, как яшма, руки мелькнули перед глазами Се Цяо, с лёгкой усмешкой спросил он.

Сейчас был канун Нового года, Се Чжэн, Ли Минбэй и Ян Су были заняты подготовкой к завтрашнему событию во дворце. Се Цяо в этом году праздновал Новый год в доме Лу, а завтра утром должен был отправиться во дворец.

Во дворе, как и в прошлые годы, были развешаны красные фонари и разноцветные дворцовые светильники. В тёмно-синем небе время от времени вспыхивали фейерверки, слышались хлопки петард. В саду цвёл любимый Лу Цзюэ зимоцвет, наполняя двор своим ароматом.

В комнате Лу Цзюэ стоял жаровня, на столе лежали различные фрукты, а в центре стоял фонарь. Лу Цзюэ и Се Цяо сидели за столом, ожидая наступления Нового года.

— Брат Хуайюй, завтра мы отправимся во дворец, завтра будет церемония коронации императрицы... — Се Цяо, смотря на Лу Цзюэ своими чёрно-белыми глазами, сказал. Ему очень хотелось спросить, будет ли ему тяжело в тот момент.

Лу Цзюэ своими белыми руками очистил мандарин, отломил дольку и положил её в рот Се Цяо, с улыбкой сказав:

— Ты боишься, что завтра не проснёшься? Не волнуйся, я разбужу тебя.

Се Цяо, жуя холодный, кисло-сладкий мандарин, только что проглотил его, как красивые руки Лу Цзюэ снова протянули ему дольку. Се Цяо, взглянув в улыбающиеся глаза Лу Цзюэ, без тени смущения проглотил слова «я уже вырос и могу сам есть мандарины» и съел дольку с руки Лу Цзюэ.

<http://bllate.org/book/15506/1377382>